

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Сага о короле Артуре

Король Зимы

Враг Божий

Экскалибур

Поиски Грааля

Арлекин

Скиталец

Еретик

Саксонские хроники

Последнее королевство

Бледный всадник

Властелин Севера

Песнь меча

Горящая земля

Гибель королей

Языческий лорд

Пустой трон

Воины бури

Вне цикла

Азенкур

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

АЗЕНКУР

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 67

Bernard Cornwell
AZINCOURT
Copyright © 2009 by Bernard Cornwell
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Майгуровой

Школа перевода
В. Баканова

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

Карта выполнена Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-13840-7

© И. Майгурова, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Моей внучке Эсми Корнуэлл, с любовью

Азенкур — одно из самых ярких эпических событий в истории Англии... Это победа слабых над сильными, простонародного войска над конными рыцарями, отваги над гордыней... И еще это повесть о нравах, годных для скотобойни, и откровенных зверствах.

Сэр Джон Киган. Лик битвы

...Убитых множество и груды трупов; нет конца трупам, спотыкаются о трупы их.

Наум. 3: 3

Часть первая

СВЯТОЙ КРИСПИН
И СВЯТОЙ КРИСПИНИАН

Глава первая

Река Эна медленно вилась по широкой равнине, окруженной невысокими лесистыми холмами. Стояла весна, всюду буйствовала яркая молодая зелень. Длинные гибкие водоросли колыхались в воде там, где река сворачивала к Суассону.

Город состоял из стен, собора и замка — он служил крепостью для охраны Фландрской дороги, ведущей из Парижа на север. Теперь его заняли враги Франции. Одежду крепостной стражи украшал червлёный крест Бургундии, над замком развевался пестрый флаг бургундского герцога — лев в малом щите посреди золотых королевских лилий и бургундских полос.

Лев воевал с французскими лилиями, но Николас Хук в этом не разбирался.

— Не понимаешь — и ладно, тебе-то что, — отмахнулся от него Генри из Кале еще в Лондоне. — Французы дерутся между собой, и одни нам платят за то, чтоб мы били других. Мое дело — набрать лучников и послать на войну. А твое дело — убивать кого там скажут. Стрелять можешь?

— Могу.

— Поглядим.

Стрелять Ник Хук умел, потому-то и стоял теперь на крепостной стене Суассона под флагом со всеми его полосами и лилиями. Он понятия не имел, где лежит Бургундия, он знал только, что ею правит герцог по имени Иоанн Бесстрашный, который приходится кузеном королю Франции.

— Король у французов помещанный, — говорил в Англии Генри из Кале, — шальной, что твой полоумный хорек. Примерещилось ему, будто он из стекла. Сидит теперь и дрожит: а ну как толкнут и разобьют в осколки? Репа у него вместо башки, куда ему воевать против герцога — у того-то голова на месте.

— А за что воюют? — спросил Хук.

— Я-то почему знаю? Мое, что ли, дело? Мне главное — чтоб денежки от банкиров герцог получал вовремя. Держи. — Он бросил на стол харчевни кошель с серебром.

В то лондонское утро на Госпитальном поле за Епископскими воротами Хук выпустил шестнадцать стрел в соломенный мешок, болтающийся на сухом дереве за полторы сотни шагов. Стрелял он быстро — едва успеть досчитать до пяти между стрелами — и дюжину всадил точно в цель, остальные четыре задели мешок по краям.

— Сгодишься, — проворчал тогда Генри из Кале.

Серебро Хук спустил еще в Лондоне. Вдали от дома, без единого знакомого лица рядом, он чувствовал себя потерянным и не задумываясь тратил монеты на пиво и шлюх, а за остаток купил сапоги, развалившиеся задолго до Суассона. Море он видел впервые и едва верил своим глазам, а когда позже силился его припомнить, то представлял себе озеро, только бескрайнее и бурное, несравнимое с прежде виденными водами.

Хука и дюжину других стрелков встретили в Кале двенадцать латников в накидках с бургундским гербом. Королевские стражники в Лондоне носили одежду с такими же лилиями, и Хук подумал, что здешние латники — англичане. Однако язык их оказался не понятен ни Хуку, ни его товарищам.

До Суассона добирались пешком: денег на коней, о которых каждый лучник мечтал в Англии, ни у кого не было. Путь сопровождали две конные повозки, нагруженные запасными луками и толстыми пучками стрел.

Компания подобралась странная — старики, хромые, большинство пьянчуги.

— Собираю самых подонков, — поведал Хуку Генри из Кале еще в Лондоне. — А ты-то выглядишь молодцом, парень. Что натворил?

— Натворил?

— Ну, ты же здесь! Значит, преступник?

— Кажется, — кивнул Хук.

— Кажется? Тут уж либо да, либо нет. Что натворил?

— Ударил священника.

— Да-а? — Угрюмый лысый здоровяк Генри даже слегка удивился, затем пожал плечами. — С Церковью нынче не шутят, парень. Эти вóроны в рясах жгут всех подряд, и король тоже. Молод, да крут наш Генрих. Видел его?

— Однажды.

— Заметил на лице шрам от стрелы? Ударила в щеку и не убила! Видать, он тогда и решил, что Бог ему лучший друг и Божьих врагов надо жечь... Ну да ладно, завтра поможешь забрать стрелы из Тауэра, а потом тебе на корабль — и в Кале.

Так Николас Хук, лучник и преступник, оказался в Суассоне, где ему выдали накидку с красным бургундским крестом и поставили на городскую стену.

Всеми англичанами, нанятыми для службы бургундскому герцогу, командовал сэр Роджер Паллейр — спесивый латник, редко снисходивший до стрелков. Его приказы обычно передавал сентенар по имени Смитсон, облюбовавший таверну «L'Oie» — «Гусь», где проводил все время.

— Нас тут ненавидят, — с самого начала предостерег он новоприбывших. — Не хотите получить нож в спину — ночью поодиночке не шляйтесь.

Несмотря на то что солдаты в крепости были бургундцами, жители Суассона хранили верность своему безумному королю, Карлу VI Французскому. Хук, даже после трех

месяцев жизни в крепости не различавший бургундцев и французов, не понимал их вражды: и говорят на одном языке, и герцог Бургундский не только кузен сумасшедшего короля, а еще и тесть французского дофина...

— Семейные дрязги, парень, — объяснил Джон Уилкинсон. — Хуже их не бывает.

Старику Уилкинсону было уже за сорок, его назначили мастерить луки и стрелы для лучников-англичан, нанятых бургундцами. Он жил в конюшенном закуте «Гуся», где аккуратно развесил на стене все свои пилы, надфили, скобели, резцы и стамески. Когда ему потребовался помощник, Смитсон выделил Хука, самого молодого из новоприбывших.

— У тебя-то хоть голова на плечах, — одобрительно проворчал Уилкинсон, — а то присылают всякую дрянь — что людей, что оружие. Лучники, а с пятидесяти шагов в бочку не попадут. А сам-то сэр Роджер! — Старик сплюнул. — Только деньги на уме. Дома-то все спустил, одних долгов, говорят, пять сотен фунтов. Пять сотен! Тебе, поди, и не снилось! А нам за него сражаться эдаким хламом... — вытащив очередную стрелу, покачал седой головой Уилкинсон.

— Стрелы дал сам король! — попытался оправдаться Хук, помогавший забирать стрелы из подвалов Тауэра.

— Королю, — усмехнулся Уилкинсон, — благослови Господь его душу, просто некуда их деть. Стрелы-то еще старого короля Эдуарда. Толку от них никакого, а продать Бургундии — самое то. Так он небось и замышлял. Гляди! — Старик перебросил стрелу Хуку.

Длинная — больше руки Хука — ясеневая стрела оказалась погнутой.

— Кривая, — признал Хук.

— Кривее не бывает! Хоть из-за угла стреляй!

В закуте Уилкинсона стоял жар — в углу пылал круглый кирпичный очаг, поверх которого дымился котел с во-

дой. Старик взял у Хука гнутую стрелу и вместе с дюжиной других уложил на края котла, затем прикрыл ясеневые древки толстым слоем тряпок и придавил середину камнем.

— Сначала распарить, — пояснил он, — потом придавить, потом, если повезет, выпрямить. Оперение из-за пара отвалится, да что с того — чуть не половина стрел все равно без перьев!

Рядом горела жаровня, на которой стоял второй котел, поменьше, оттуда пахло копытным клеем — им Уилкинсон приклеивал к стрелам гусиные перья.

— И шелка нет, обходись тут одними жилами, — проворчал он. Жилами обматывалась пятка стрелы вместе с перьями. — А от жил какой прок? Высыхают, съеживаются, рассыпаются... Говорил я сэру Роджеру — мол, без шелка мне никак, да ему-то что! Ему что стрела, что деревяшка, поди растолкуй...

Старик завязал жилу узлом и повернул стрелу, чтобы разглядеть пятку: при выстреле она прилегает к тетиве, и потому ее укрепляют насадкой из рога, чтобы отпускаемая тетива не расщепила ясеневое древко. Уилкинсон попробовал отломить роговой стержень, однако тот не поддался. И старик, нехотя пробурчав что-то одобрительное, потянулся к дискам за следующей стрелой. Каждая пара дисков из жесткой кожи, прорезанных по краям, держала две дюжины стрел — так их было удобнее перевозить без риска смять тонкое оперение.

— Перья, рог, шелк, ясень, сталь, лак, — бормотал Уилкинсон. — Возьми самый распрекрасный лук и стрелка́ ему под стать — и все ж без перьев, ясеня, рога, шелка, стали и лака ты сможешь во врагов разве что плевать. Ты людей убивал, Хук?

— Да.

Уилкинсон, слышав вызов в голосе, усмехнулся:

— В бою? Или так? В бою людей убивал?

— Нет, — признался Хук.

— А из лука?

— Да, одного бродягу.

— Он в тебя стрелял?

— Нет.

— Тогда с чего тебе зваться лучником? Лучник — тот, кто убивает врага в бою. Как ты убил последнего?

— Повесил.

— Почему?

— Он был еретик.

Уилкинсон — худой, как куница, мрачный и остроглазый — провел пятерней по редющим сединам и хмуро взглянул на Хука:

— Вешать еретика? Дрова, что ли, в Англии кончились... И давно за тобой такой подвиг?

— С прошлой зимы.

— Он из лоллардов? — спросил старик. Хук кивнул, и Уилкинсон недобро усмехнулся. — Стало быть, ты повесил человека за то, что он не сошелся с Церковью из-за ломтя хлеба? «Я хлеб живой, сошедший с небес», — говорит Господь, а про мертвый хлеб на церковном блюде — ни слова. Он ведь не сказал, что Он затхлый, лежалый хлеб, — нет, сынок, Господь назвал Себя хлебом живым. Но ты-то, вешая еретиков, уж конечно лучше Его понимал истину.

На вызов, крившийся в словах старика, Хуку ответить было нечем, и он промолчал. Он не задумывался о вере и Боге, пока не услышал голос в конюшне, и теперь временами сомневался, не пригрезились ли ему те слова. Он вспомнил Сару, ее молящий взгляд и свою неудачную попытку помочь. Вспомнил запах жженой плоти и низкий стелющийся дым, обвеваемый ветром вокруг лилий и леопардов на английском гербе. Вспомнил отмеченное шрамом лицо молодого короля, суровое и непреклонное.

— А вот из этой, — Уилкинсон потянул к себе стрелу, обломленную близко к наконечнику, — мы еще сделаем убийцу что надо. Пусть утянет в ад дворянскую душу...

Старик положил стрелу на деревянную колоду и выбрал нож поострее, попробовав лезвие на ногте большого пальца. Быстрым движением он отхватил верхние шесть дюймов древка и перебросил стрелу Хуку.

— Займись делом, парень, сними наконечник.

Узкое стальное жало, длиннее среднего пальца Хука, сходилось к острию тремя гранями без зубцов. Такие наконечники были тяжелее прочих и могли пробить доспехи, а на близком расстоянии — если стрелять из мощного лука, для которого нужна геркулесова сила, — пробивали даже рыцарские латы.

Хук принялся вращать наконечник. В конце концов клей внутри отверстия отслоился, высвободив древко.

— Знаешь, как закаляют острие? — спросил Уилкинсон.

— Нет.

Старик, наклонившись над обрубок ясеновой стрелы, тонкой пилкой не длиннее мизинца выпиливал клин в отрезанном торце.

— Когда куют, в огонь сыпят кости. Да-да, высохшие мертвые кости. А почему горящие угли с костями обращают железо в сталь?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. А поди ж ты — угли да кости... — Уилкинсон, сдув опилки с торца, удовлетворенно кивнул. — Я знавал одного в Кенте — тот сыпал кости человеческие. Детский череп, говорит, дает лучшую сталь. Раскопает могилу, выгачит череп, бросит кусками в огонь... Младенческий череп — на угли!.. Подонок был еще тот. Но уж убивать его стрелы умели, этого не отнять. Сквозь доспехи проскальзывали — только ахнешь...

Уилкинсон, пока говорил, достал откуда-то дубовое древко в шесть дюймов длиной, его клиновидный выступ

точно повторял форму только что сделанной прорези в ясеновой стреле.

— Видал? Ровнее не бывает! — гордо произнес старик, состыковывая в руке оба древка. — Не в первый раз, по-ди! Теперь ее склеить — и готова убивать.

Подхватив свободной рукой наконечник, старик наставил его на дубовый торец и любовно оглядел стрелу. Дубовый стержень придавал стреле вес и усиливал тяжесть наконечника. Так стрела вернее пробьет латные доспехи.

— Попомни мое слово, парень, убивать тебе придется уже скоро, — пробормотал Уилкинсон.

— Скоро?

— Король Франции, — мрачно усмехнулся старик, — может, и безумен, да только не потерпит, чтоб бургундский герцог удержал Суассон. До Парижа рукой подать! Королевское войско вот-вот нагрянет, и тогда нам только и останется, что бежать в крепость. А коль доберутся до крепости, то уж лучше помереть заранее. Французы англичан не любят, наших лучников и вовсе ненавидят, так что попадись ты им в руки — умирать будешь в мучениях и воплях. — Он взглянул на Хука. — Я не шучу, парень. Лучше перерезать себе глотку, чем попасть к французам.

— Если придут — отобьем, — пожал плечами Хук.

— Ну да, еще бы, — жестко усмехнулся Уилкинсон. — Молись, чтоб герцогское войско явилось раньше. Потому что, если в Суассон придут французы, мы окажемся в западне, как крысы в кадушке с маслом.

И теперь каждое утро Хук стоял на городской стене над воротами и оглядывал дорогу на Компьен, ведущую вдоль Эны. Еще чаще он глазел на дома за стеной, в предместье, и особенно на дом красильщика у сточной канавы — там рыжая девка каждый день развешивала во дворе крашенные ткани для просушки и частенько, взглядывая на Хука и других стрелков, махала им рукой, получая в ответ одобрителный свист. Женщина постарше, однажды поймав

ее на заигрывании с вражескими солдатами, отвесила девке ощутимую оплеуху, однако на следующий день рыжая вновь крутила во дворе задом, к удовольствию зрителей. Когда девка не появлялась, Хук глядел на дорогу — не мелькнет ли солнечный блик на доспехах, не заплещется ли на ветру яркое знамя, возвещая приближение герцогского войска или, сохрани Господь, вражеской армии. Однако на глаза попадались лишь бургундцы из городской стражи, тянущие в город съестное. Порой в такие вылазки с ними пускались и стрелки, по-прежнему не встречая по пути никакого противника, кроме хозяев реквизируемого хлебного зерна и живности. Крестьяне в таких случаях могли укрыться в лесу, а вот горожанам, чьи дома солдаты перерывали в поисках припасенной еды, деваться было некуда. Мессир Ангерран де Бурнонвиль, командующий бургундским гарнизоном, велел сносить в собор все зерно и засоленное мясо, чтоб было чем прокормить гарнизон и жителей: он ждал французов в начале лета и готовился к долгой осаде.

Ник Хук помогал убирать припасы в собор. И вскоре здание наполнил хлебный аромат, который, впрочем, не заглушал острого запаха выделанной кожи — Суассон издавна славился кожевниками, обувщиками и шорниками, и вонь от располагавшихся на юге ям с мочой, в которых выдерживались кожи, при южном ветре неминуемо пропитывала весь город. Хук часто бродил по собору, дивясь на расписанные стены и богатые алтари в серебре, золоте и эмали, крытые расшитым шелком и льном. В соборах ему прежде бывать не приходилось, и теперь отдающее эхом пространство, теряющиеся в тенях высокие своды, торжественное каменное безмолвие — все наводило его на странные мысли о том, что в жизни должно быть нечто большее, чем луки, стрелы и способность с ними управляться. В чем состоит это нечто — Хук не знал, однако такие мысли преследовали его с самого Лондона, с того ми-

га, когда после разговора со стариком-лучником в голове раздался повелительный голос. Как-то раз Хук, с непривычки чувствуя себя неловко, опустился на колени перед статуей Девы Марии и попросил прощения за то, что не сумел ничем помочь той девушке в лондонской конюшне. Он поднял взгляд на печальный лик Богоматери, и ему показалось, будто глаза ее, ярко выписанные белой и голубой краской, глядят на него с укором. «Ответь мне», — взмолился он, однако никаких голосов не услышал. За смерть Сары не будет прощения, он нарушил Божью волю. Он проклят...

— Думаешь, она поможет? — прервал его молитвы резкий голос: рядом с Хуком стоял Уилкинсон.

— Если не она, кто еще?

— Может, ее Сын? — ядовито осведомился старик и украдкой огляделся: у боковых алтарей полдюжины священников служили мессы, по нефу спешила стайка монахинь в сопровождении клириков. — Бедняжки, — вздохнул он.

— Почему?

— Думаешь, они шли в монастырь по своей охоте? Нет, парень, просто их родителям не нужны хлопоты: незаконных дочерей делают монашками, чтобы они не наплодили незаконных внуков. Иди сюда, кое-что покажу.

Не дожидаясь ответа, Уилкинсон заковылял к высокому алтарю, блистающему золотом под необыкновенной красоты арками, ряды которых образовывали полукруг в восточной части здания.

— Взгляни на ларцы, парень, — велел старик, преклоняя колени у алтаря и почтительно склоняя голову.

На алтаре, по обе стороны от распятия, стояли серебряные и золотые ларцы, многие под хрустальными крышками. Внутри, насколько можно было разглядеть под хрусталем, лежало что-то кожаное.

— Что там? — спросил Хук.

— Башмаки, — приглушенно ответил Уилкинсон, не поднимая головы.

— Башмаки?

— Ну да, такие штуки, которые носят на ногах, чтобы песок не застревал между пальцев.

Кожа выглядела старой, тусклой и покорезанной. Туфля в одном ковчежце настолько ссохлась, что Хук счел ее детской.

— А зачем тут башмаки? — спросил он.

— Ты слышал о святых Криспине и Криспиниане?

— Нет.

— Они покровители обувщиков и кожевников, и эти башмаки — их работа. По крайней мере, так говорят. Оба жили в Суассоне, здесь же, похоже, и убиты. Замучены за веру — как тот старик, которого вы сожгли в Лондоне.

— Он был...

— Еретик, да. Всех мучеников убивали из-за того, что кому-то из сильных не нравилась их вера. Христа на кресте — самого Христа, парень! — распяли за ересь. За что ж еще? А женщин ты убивал?

— Нет, — выдавил Хук.

— Значит, женщины там были? — спросил Уилкинсон, пристально взглянув на Хука. Ответа ему не потребовалось, он поморщился. — Вот уж порадовался Бог в тот день, ничего не скажешь.

Старик с отвращением покачал головой и полез в кошель на поясе. Достав горсть чего-то металлического — Хук решил, что монет, — он ссыпал их в огромную медную кружку у алтаря, предназначенную для пожертвований. Священник, что подозрительно следил за двумя англичанами-лучниками, при звяканье металла явно успокоился.

— Наконечники стрел, — ухмыльнулся Уилкинсон. — Старые ржавые наконечники, никуда не годные. А теперь помолись святым Криспину и Криспиниану.

Хук помедлил. Господь не мог не видеть, как Уилкинсон всыпал в кружку негодные наконечники вместо денег, и Ник, словно ощутив подступающие языки гееннского огня, поспешил опустить в кружку монету.

— Молодец, — тут же отозвался Уилкинсон. — Епископу твои денежки точно пригодятся, будет на что пива попить.

— Зачем молиться Криспину и Криспиниану? — спросил Хук.

— Они здешние святые, парень. Их дело внимать молитвам из Суассона. Здесь они услышат тебя скорее других.

Хук, опустившись на колени, вознес молитву святым Криспину и Криспиниану, чтобы они испросили ему прощение за лондонский грех, уберегли от беды в Суассоне, где им самим случилось принять смерть, и дали благополучно вернуться в Англию. Молитва получилась не такой сердечной, как обращения к Богоматери, однако Хук считал разумным и дальше молиться обоим местным святым. Уж они-то наверняка слышат тех, кто зовет к ним из их родного города.

— Я готов, парень, — объявил Уилкинсон, внезапно оживляясь. На ходу он запихивал что-то в карман, и Хук, подойдя ближе к алтарю, увидел, что от покрыва, свисавшего до полу, грубо откромсан прямоугольный кусок. Старик ухмыльнулся: — Шелк, парень. Если шелк для стрел негде взять — надо стащить.

— У Бога?

— Коль Богу негде взять пару шелковых ниток, значит плохи Его дела. Ты ведь мечтал убивать французов? Значит, молись, чтоб у меня был шелк для твоих стрел.

Однако помолиться Хуку не пришлось: на рассвете следующего дня французы нагрянули в город.

В Суассоне о приближении французов знали. До города долетела весть о сдаче бургундцами Компьена, и Суассон теперь оставался единственной крепостью, преграждавшей французам путь к Фландрии, где стояли основные силы бургундцев. Говорили, что французы идут с запада, вдоль Эны.

И в одно погожее летнее утро они объявились у стен города.

Хук наблюдал за их приближением, стоя на западном валу. Вначале показалась конница в доспехах и ярких гербовых накидках, несколько латников галопом подлетели ближе к городу, дразня и напрашиваясь на выстрел. Кое-кто из арбалетчиков не удержался, однако выпущенными стрелами не задело ни коней, ни всадников.

— Берегите стрелы, — велел сентенар Смитсон своим стрелкам-англичанам. Он небрежно щелкнул пальцем по натянутому луку Ника. — Не стреляй, парень, стрелы еще пригодятся.

Сентенар, которому пришлось вылезти из излюбленной харчевни «Гусь», прищурился, глядя в сторону гарцующих всадников. Те что-то неразборчиво кричали солдатам, водружающим на валу бургундский флаг рядом с личным штандартом гарнизонного командующего, мессира де Бурнонвиля. Кучка горожан тоже высыпала на вал посмотреть на новоприбывших всадников.

— Выродки, — бросил Смитсон при виде горожан. — Только и ждут, как бы нас предать. Надо было убивать всех, резать проклятые французские глотки. — Он сплюнул. — Сегодня точно ничего не дождемся. Можно сидеть и пить пиво, пока есть.

И Смитсон неверными шагами направился прочь, оставив на стене Хука и полдюжины стрелков.

Французы шли весь день, по большей части пешие. Окружая Суассон, они срубали деревья на пологих холмах к югу от города и возводили на расчищенной земле палат-

ки, рядом с которыми вскоре затрепетали на ветру яркие штандарты французской знати — соцветия алого, синего, золотого и серебряного. На баржах, подошедших по реке, прибыли четыре баллисты — огромные камнеметные машины для разрушения городских стен. На берег в тот день выгрузили лишь одну, и Ангерран де Бурнонвиль, надеясь сразу же сбросить ее в реку, с двумя сотнями конных латников предпринял вылазку через западные ворота, однако набег не удался: французы, ожидавшие нападения, встретили бургундцев вдвое большей силой. Два отряда, подняв копья, ненадолго замерли друг против друга, затем бургундцы отступили, сопровождаемые свистом и улюлюканьем французов.

После полудня начал стучаться дым: французы жгли дома за городской стеной. Хук видел, как рыжая девка, подхватив узел с пожитками, направилась к французскому лагерю. В густеющем дыму она оглянулась на лучников и помахала рукой. Никто из жителей предместья не просился в город. Все уходило к противнику. Под прикрытием дыма появились первые вражеские арбалетчики, каждого стрелка закрывал щитоносец с толстой павезой — огромным щитом, за которым можно спрятаться стрелку, пока он взводит арбалет после выстрела. Тяжелые арбалетные стрелы то и дело ударяли в стены или свистели над головой, перелетая через вал в город.

К вечеру, когда солнце уже клонилось к громоздкой катапульте на берегу, протрубили трубы. Чистый и ясный звук далеко разнесся в задымленном воздухе. Как только отзвенела последняя нота, арбалетчики прекратили стрельбу. В предместье взметнулся столб искр над тростниковой крышей, обрушенной внутрь горящего дома, густой дым повалил в сторону Компьенской дороги, на которой Хук увидел двух всадников — без лат и оружия, в ярких гербовых накидках, с воздетыми над головой тонкими белы-

ми жезлами. Их кони осторожно ступали по изрытой колеями дороге.

Мессир де Бурнонвиль, должно быть, их ожидал: западные ворота тотчас распахнулись, и командующий гарнизоном в сопровождении единственного спутника выехал навстречу двум прибывшим.

— Герольды, — проронил Джек Дэнси, уроженец Херефордшира. К бургундцам Джек подался после того, как его поймали на воровстве. «Там повесят, тут убьют — разница невелика», — сказал он как-то Хуку. Теперь, стоя на стене, он оглядывал всадников. — Герольды предложат сдаться... Хорошо бы наши согласились.

— Согласиться на французский плен? — переспросил Хук.

— Нет-нет, он мужик что надо, — Дэнси кивнул на де Бурнонвиля, — нам плохого не сделает. Если сдадимся — нас отпустят.

— Куда?

— Куда захотят, — неопределенно отозвался Дэнси.

Герольды, сопровождаемые двумя знаменщиками и трубачом, съехались с де Бурнонвилем почти у самых ворот и обменялись с ним поклонами, не сходя с седел. Хотя герольдов Хук видел впервые, он уже знал, что они неприкосновенны и встречать их полагается почтительно. Герольд, осматривающий местность перед боем, действует от имени своего господина, а нынешние двое, судя по королевскому знамени из синего шелка с тремя золотыми лилиями, служат не кому иному, как королю Франции. Второй флаг, пурпурный с белым крестом, по словам Дэнси, выходил знаменем святого Дионисия — Сен Дени, как звали его французы, — покровителя Франции.

«Интересно, — думал Хук, теребя деревянный крестик на шее, — у кого больше власти на небесах, у Дионисия или у Криспина с Криспинианом? А подзащитных своих они отстаивают перед Богом так же, как адвокаты в суде?..»

Герольды и мессир де Бурнонвиль обменялись немногими словами, затем вновь раскланялись, и оба герольда, повернув серых коней, поскакали обратно. Де Бурнонвиль, поглядев им вслед, галопом пустился к городу. У горящего дома красильщика он придержал коня и что-то прокричал воинам на стене. Французского Хук почти не понимал, однако де Бурнонвиль добавил по-английски:

— Будем биться! Крепость французам не сдадим! Одолеем врага!

Звенящий клич замер в тишине: ни бургундцы, ни англичане-лучники не поддержали командующего. Дэнси лишь вздохнул. Арбалетная стрела, принесшаяся от французов, прожужжала над головой и с лязгом ударилась о ближайшую мостовую. Де Бурнонвиль, не дождавшись отклика от стоящих на стене воинов, двинул коня к воротам; Хук услышал скрип огромных петель, грохот деревянных створок и тяжелый стук засова, опускаемого в скобы.

Солнце, ушедшее за дымную завесу, отливало теперь червонным золотом. Внизу сквозь редеющие клубы дыма стала видна группа скачущих вдоль городской стены вражеских всадников в доспехах и шлемах. Один, выдвинувшись вперед на огромном вороном жеребце, держал в руке странное знамя без герба — длинный и узкий стяг яркочерного шелка, бьющийся на ветру, как струя крови. Завидев его, воины на стене осеняли себя крестом.

— Орифламма, — спокойно произнес Дэнси.

— Орифламма?

Дэнси, лизнув средний палец, еще раз перекрестился.

— Боевое знамя французов. Это значит, что обойдутся без пленных, убивать будут всех, — мрачно сказал он и вдруг откинулся навзничь.

В первый миг Хук не понял, что произошло. Он решил, что Дэнси остушился, протянул руку помочь — и тут увидел оперенную арбалетную стрелу, торчащую во лбу. Кро-

ви почти не было, лишь пара мелких капель. В остальном лицо Дэнси выглядело вполне мирным. Хук, опустившись на колено, оглядел толстую стрелу: снаружи торчал лишь хвост длиной в ладонь, остальное ушло глубоко в мозг; если не считать хруста, как от мясницкого топора, то Дэнси умер беззвучно.

— Джек! — окликнул его Хук.

— Ему не до тебя, Ник, — отозвался кто-то из лучников. — Он уже, поди, болтает в аду с дьяволом.

Хук так никогда в жизни и не понял, как все случилось и почему. Не то чтобы он считал Дэнси близким другом — друзей у него в Суассоне не водилось, разве что Джон Уилкинсон, — и все же его обуяла внезапная злость. Дэнси был англичанином, а в Суассоне англичан не любили не только враги-французы, но и свои же бургундцы, — и Хук, потянувшись к белому холщовому мешку на правом боку, медленно вытащил стрелу.

Повернувшись к полю, он наложил стрелу на цевье и, придерживая большим пальцем левой руки, приставил ее хвостом к тетиве; затем, вскинув лук, захватил правой рукой тетиву вместе с концом стрелы.

— Стрелять не велено, — упреждающе бросил лучник, стоящий поблизости.

— Зря стрелу потратишь! — поддакнул другой.

Натянув тетиву до правого уха, Хук пошарил глазами по дымному полю перед городом, и взгляд его выхватил арбалетчика, спрятавшегося за павезой с изображением скрещенных топоров.

— Из лука не достанешь, это ж не арбалет, — предостерег его сосед-лучник.

Однако Хук стрелял с детства, набирая опыт и силу, пока ему не стали по руке самые мощные боевые луки, и он давно знал, что лучник целится не глазом, а чутьем: просмотришь цель и направляешь стрелу.

Арбалетчик уже поднимал свое тяжелое оружие, чьи-то две стрелы прошелестели в вечернем воздухе рядом с Хуком.

Он забыл обо всем. Так бывает в лесу, когда среди ветвей мелькнет олень. Стрела летит ему вслед, словно без ведома лучника. «Все умение — у тебя в голове, — давным-давно сказал ему деревенский стрелок. — Лук не нацеливают. Просто смотришь и знаешь, куда нужно попасть. И стрела идет сама».

Хук отпустил тетиву.

— Вот же дурень, — бросил кто-то рядом.

Белое гушиное оперение мелькнуло в дымном воздухе. Стрела спикировала быстрее, чем падающий на добычу ястреб. Сама оперенная смерть со стальным жалом, шелковой обвязкой и ясеневым древком пронзила вечернюю тишь.

— Боже милостивый, — прошептал сосед-лучник.

Французу не так повезло с быстрой смертью, как Джеку Дэнси. Стрела Хука пробила ему горло, стрелка развернуло на месте и опрокинуло навзничь. Арбалет в падении разрядился, стрела взмыла в небо. Арбалетчик в корчах бился на земле, цепляясь руками за горло, где жидким огнем разливалась боль, а над ним простиралось подернутое дымом пожарищ кроваво-красное небо, горящее предсмертным закатным огнем.

«Хорошая была стрела», — подумал Хук. Прямая, с перьями из одного и того же гушиного крыла, она летела уверенно и попала в цель. Он убил человека в бою и теперь наконец может зваться лучником.

На второй день осады Хук решил, что миру настал конец.

Вечер выдался теплым, прозрачный свет разливался в бледном воздухе, река медленно скользила между цветущих берегов с зарослями ивы и ольхи. Знамена над

Содержание

Пролог	15
Часть первая. СВЯТОЙ КРИСПИН И СВЯТОЙ КРИСПИНИАН	45
Часть вторая. НОРМАНДИЯ.....	141
Часть третья. К РЕКЕ МЕЧЕЙ	299
Часть четвертая. ДЕНЬ СВЯТОГО КРИСПИНА	363
Эпилог	459
Историческая справка	464

Корнуэлл Б.

К 67 Азенкур : роман / Бернард Корнуэлл ; пер. с англ. И. Майгуровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-13840-7

Битва при Азенкуре — один из поворотных моментов в ходе Столетней войны между Англией и Францией. Изнуренная долгим походом, голодом и болезнями английская армия по меньшей мере в пять раз уступала численностью противнику. Французы твердо намеревались остановить войско Генриха V на подходах к Кале и превосходством сил истребить захватчиков. Но исход сражения был непредсказуем — победы воистину достигаются не числом, а умением.

В центре неравной схватки оказывается простой английский лучник Николас Хук, готовый сражаться за своего короля до последнего. Только благодаря воинскому искусству, дисциплине и личной доблести таких солдат добываются самые блестящие победы в истории.

Этот захватывающий роман о войне — великолепная литературная реконструкция, одно из лучших творений Бернарда Корнуэлла, автора признанных мировых бестселлеров цикла «Саксонские хроники», романов о стрелке Ричарде Шарпе и многих других книг.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

АЗЕНКУР

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Светлана Федорова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.12.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-BBH-22835-01-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/